

Г. П. Клепикова

**К ИЗУЧЕНИЮ СЛАВЯНО-РУМЫНСКИХ ВЗАИМО-
ДЕЙСТВИЙ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ**
Обозначение ‘времени’ и некоторых временных отрезков в
румынских диалектах: *vreme**

Интерес к различным аспектам славяно-румынских языковых (также – этнокультурных и др.) отношений, возникший еще в середине XIX в. и заметно возросший в XX в., нашел отражение в исследованиях двойкой направленности. С одной стороны, это внимание к последствиям влияния румынского (=восточнороманского) на славянские языки в различные эпохи (ср., например, период так наз. “валашской” колонизации – XIV-XVII вв.), а, с другой, – обращение к феномену длительного славянского воздействия на румынский язык, – со времени миграции древних славян на Балканский п-в и связанного с этим приходом их в Дакию (V-VI вв. н.э.). Начало изучения славянского влияния на румынский в области лексики положено Ф. Миклошичем в его работе “Die slavischen Elemente in Rumunischen” (Wien, 1861). Ценным является вклад в разработку этой проблематики ученых Румынии и других стран, в том числе и России (ср. труды Б. Хаждэу, А. Чихака, О. Денсушяну, И. Богдана, Д. Богдана, Э. Петровича, А. Россети, Э. Калужняцкого, Л. Милетича, Б. Цонева, П. Сырку, А. Яцимирского, П. Лаврова, М. Сергиевского, С. Бернштейна, Р. Будагова и др.). Особое место среди современных лингвистов, занимающихся данными проблемами, принадлежит Г. Михэилэ, – именно он, исходя из самого факта многовековых славяно-румынских контактов, реализовавшихся в заимствованиях (прежде всего лексических) из *многих* славянских языков как устным, так и письменным путем, сформулировал в качестве центральной задачу установления и систематического изучения хронологической *стратификации* всех славизмов в румынском. Решение этой задачи возможно, как показано в ряде его работ¹, лишь при учете комплекса специальных критериев, – помимо собственно *лингвистического* (фонетического, словообразовательного, семанто-масиологического и под.), также *географического* (=величина ареала заимствований как показатель их большей или меньшей

* При поддержке Гранта РФФИ № 01-06-80437.

¹ См.: *Михэилэ Г.* Некоторые вопросы изучения семантики древнеславянских заимствований в румынском языке// ВСЯ, в. 4. М., 1959 (Мих.1959); *Mihăilă Gh.* Imprumuturi vechi sud-slave în limba română. București, 1960; *Mihăilă Gh.* Studii de lexicologie și istorie a lingvisticii românești. București, 1973 (Mih.1973); *Михэилэ Г.* Изучение старославянско-румынских языковых отношений на современном этапе// *Polonoslavica varsoviensia.* Warszawa, 1992 и др.

древности), *культурно-исторического* (=связь между “возрастом” славизма и принадлежностью его к той или иной лексико-семантической группе (=ЛСГ), тематическому (терминологическому) разряду и др. Применение этих критериев сделало возможным выявление *древнейших* славянских лексических заимствований, для обозначения которых предлагается использовать несколько терминов² и – хронологически более *поздних* (среди них отмечается как книжная, так и “народная” лексика – Mih.1973, p.13-14), источником которых были болгарский, сербский или восточнославянские языки.

В последние полтора-два десятилетия тематика славянских лексических заимствований становится вновь актуальной, – прежде всего в связи с созданием языковых атласов генетически гетерогенных континуумов. Речь идет в том числе об “Общекарпатском диалектологическом атласе” (=ОКДА) и о многочисленных публикациях, интерпретирующих результаты картографирования в ОКДА в их сопоставлении с данными иных источников. Способствуют росту интереса к изучению славянских лексических заимствований в румынском публикации материалов “Лингвистического атласа Европы” (=ALE) и начавшаяся работа над “Малым диалектологическим атласом балканских языков”.

До сих пор менее изученной остается *семантическая* сторона славизмов, – в силу сложности решения ряда общих и частных проблем семасиологии (отметим труды Л. Шэйняну, А. Яцимирского, А. Росетти, Г. Михаилэ, Р. Будагова, С. Семчинского и др.), хотя известно, что следствием славяно-румынских контактов (а также – на определенном этапе – коллективного билингвизма) стало широкое распространение явление межъязыковой изосемии интерферентного характера. Ныне сформулированы основные принципы подобных штудий.

Так, признается необходимость глубокого изучения семантики заимствований, во-первых, на собственно *румынском* материале, что требует привлечения данных памятников письменности, румынской диалектологии, фольклорных, этнографических и подтекстов и др., и, во-вторых, на широком *славянском* фоне (прежде всего – южнославянском), что предполагает учет данных не только соответствующих литературных языков, но и диалектов (в их синхронии и диахронии). Анализ, базирующийся на выявлении полной семантической амплитуды славизма в румынском и соответствующей лексемы в языке-источнике, позволяет достаточно точно установить (resp. подтвердить) “центр иррадиа

---

² Ср.: ”заимствования из древнеславянского”, ”древнеюжно-восточнославянские заимствования” и под. (Mih.1973, p. 16 и сл.; Мих. 1992, с. 23 и т.д.).

ции” заимствованного элемента и описать историю его семантики как единство унаследованных и новых, развившихся уже на румынской почве, “значений”(и их “оттенков”). В качестве примера подобного подхода к изучению славизмов далее рассмотрена география и семантика славизма *vreme*.

Рум.*vreme*.

Лексический аспект. Рум.*vreme* обычно возводится к слав.*vĕmę (Ros.III, 64, 89; Мих.1959, 78 и др.[<*vermę – Skok 3,626])(об этимологии также – Фасмер 1,361; БЕР 1,185 и др.), хотя точнее было бы в качестве источника указывать ср.-болг. *vĕme*, как представляющее “фонетические славяно-болгарские черты” (Mih.1973, p.28, – в результате утраты назальности и др., подробнее: Ros.III, p.97).

Принадлежность *vreme* к старым заимствованиям из славянского (=ЛСГ ‘явления неживой природы – рельеф, метеорология и под.’ – Mih.1973, с.36) подтверждается и типом ареала – лексема распространена, по материалам ALR, практически на всей территории Румынии (за исключением нескольких микрозон на юге и в центре, где фиксируется лексема *țimp* в соответствующих значениях [ALR sn v.III №775,776,786,792, v.V, №1346,1379,1416, v.VI, №1850 и др.]’(как “молдавское”- см. и: Tikin III, S.1781).

Семантический аспект. Изучение семантического объема рум. *vreme* обнаруживает сложность его структуры, образованной большим числом общих и конкретных семантических единиц (=“значений”), которые характеризуются различной степенью выраженности семантического ДП *темпоральности* (соотносящейся с *длительностью* какого-либо процесса, существования какого-либо явления и пр.)³ Так, например, все “значения”, выделенные составителями DLRLC (IV, 707-708) могут быть расположены в интервале между максимумом интенсивности указанного признака (ср.: ‘время – форма существования материи в ее *развитии*’), с его ослаблением, неполнотой проявления (ср. ‘длительность, которая *ограничена* двумя событиями и может быть *измерена* [=интервал, период]’ ~ ‘удобное для совершения какой-либо деятельности время [=пора]’ ~ ‘*историческая эпоха*’ и др.) – вплоть до минимума его выраженности (ср. ‘метеорологическая *ситуация*, содержащая совокупность метеорологических *состояний*’ [=погода]), когда “темпоральность” не экспли-

³ Длительность может быть представлена как линейное или циклическое *движение* времени, совершающееся в пространстве сознания (хотя само сознание непространственно); в этом случае движение времени есть “движение без движения” и сопоставимо с примерами *внутренних* типов движения (подробнее о них – *Топоров В. Н.* в: Концепт движения в языке и культуре. М., 1996, с.12).

цирована, но присутствует, например, в понимании “*со-стояния атмосферы*” как динамического комплекса сменяющих друг друга, в пределах годового цикла, *временных* отрезков (каждый из которых описывается с помощью климатических показателей и применительно к определенной физико-географической области) (распространение важнейших фрагментов семантической амплитуды *вгете* – ‘время и под.’ и ‘погода’ в румынских диалектах представлено на картах №№ 1,2).’

В славянских языках рефлексы *вгѣте с хорошо развитой семантикой, имеющей точные параллели с семантикой румынского славизма (= фиксация значений ‘время’ и ‘погода’), отмечаются прежде всего на Юге (что согласуется с версией о южнославянском источнике рум. *вгете*), это подтверждают и словари. Ср. в болгарском: *време*¹ ‘[филос.] основная форма существования материи...’, ‘продолжительность, длительность, измеряемая секундами и под.’, ‘[в состязаниях] результат...’, ‘определенный период, часть года и под.’, ‘исторический момент, эпоха...’, ‘удобный, подходящий момент’, ‘категория глагола’, ‘[муз.]каждая из равных ритмических единиц...’, *време*² ‘состояние атмосферы в определенный момент...’ (РБЕ 2, 412-416; ср.: РСБКЕ 1,140, Геров 1, 167 и др.). В сербском: *време* (*вријеме*) (РСХКНЈ 3, 42-45): 1а ‘[филос.] одна из объективных форм существования материи...’, 1б ‘длительность того, что осуществляется или существует (измеряется часами...)...’, 2а ‘ограниченное время суток...’, 2б ‘определенная система отсчета времени...’, 3а ‘период, когда нечто существует...’, 4а ‘часы, которые могут быть посвящены к.-либо делу, отдыху...’, 4б ‘период истории, эпоха...’, 4в ‘обстоятельства, в которых живут люди в определенный период...’, 5 ‘время года; сезон’, 6а ‘атмосферные условия в определенный период...’, 6б [нар.] ‘непогода; осадки’, 7 ‘[грамм.] вид глагольного словоизменения...’, 8 ‘[спорт.] результат...’, и др. В македонском: *време*¹ – ‘длительность, которая измеряется...’, ‘период...’, *време*² ‘погода’, *време*³ ‘(разг.) состояние...’ (РМЈ I, 83); в словенском *вгете* лишь: ‘das Gewetter’, ‘die Ursache’ (Plet.II, 795).

Помимо южнославянских языков, продолжения слав.* *вгѣте* отмечены и на Севере Славии. В украинском лексема *верем’я* ‘хорошая погода’ распространена в карпатской зоне (ЛАЗГ 1, № 2; АУМ 2, № 354), редко – и за ее пределами; ср. *верем’я*, *урем’я* ‘время’, ‘состояние’ в: Гринч. I,135, IV,353; в СУМ – *верем’я*(диал.) ‘хорошая погода’ – 1, 328). В русском *время*, как заимствование из церковнославянского (Фасмер I, 361), характерно прежде всего для современного литературного языка ([филос.] *время*, ‘длительность существования...’, ‘в просторечии – погода’, ‘в просторечии – счастье’... – ССРЛЯ 2, 803-809); ср. др.-русск. *врѣма* = *верема* ‘счастлирое время’, ‘время’, *неврѣма* ‘не

погода' (Срезневский 1,320, 244), врема 'одна из форм...' , 'период', '(неопределенный) отрезок (времени)', 'время года', 'возраст' (СлДРЯ 1,493-497), время и веремья 'время', 'отрезок, период...', 'срок', 'благоприятная пора',..., но и 'погода' (XVI-XVII вв.) (Сл.РЯ XI-XVII вв., вып.3, с.108); помимо диал. *время, времечко* 'время, пора' (север, урал., сибир. и др.) и значительного числа соответствующих словосочетаний, зафиксированы локализмы 'болезнь (нижегор.)', 'счастье, довольство, достаток и под.' (курск., яр.), наречие *время* 'давно' (Латв.) и т.д.; как возможная параллель к ю.-слав. 'погода' – арх. *временить* 'изменять свой вид...' ("от времени, погоды"), *времениться* 'изменяться при перемене погоды' (СРНГ 5, 191-193; ср.и: Даль, отмечено и *время* 'погода', а также 'возраст' – 1, с.260-261). О бел. *вереме* см. только в: Фасмер (отсутствует в БРС). Рефлексы слав. *vrĕmę не зафиксированы в современных западнославянских языках (о ст.-польск. *wzręmie* см. в: Фасмер; БЕР; ЕСУМ и др.).

Географическое и семантическое изучение славизма *vrĕme* (с учетом показаний славянских языков и диалектов) позволяет более детально исследовать функционирование данного заимствования в румынском и историю его семантики. Речь идет, во-первых, об уяснении соотношения иноязычного элемента и исконного *țîmp* (устар., обл. *țîmp* – DLR X, p.264) (<лат. *tĕmpus*; о неясности этимологии, сомнения в родстве с лат. *teneo* – Ernout-Meillet, 1203-1205; о связи *tempus* и *teneo*: *Топоров В.Н.* Указ. соч., с.232) и, во-вторых, о диахронической интерпретации семантического объема рум. *vrĕme*.

1. Новые словари фиксируют большую близость семантических объемов обеих лексем, а также существование их конкуренции в современном румынском языке, что отмечают и словари, например: DLR X, p.261-264. В этом словаре семантика *țîmp* – и прежде всего в *литературном* (письменном) языке – определяется следующим образом: I/1. 'длительность, период, измеряемый в часах..., интервал...' (как *варианты* данного, общего, "значения" приводятся: 'подходящий момент', 'благоприятный промежуток времени', 'интервал времени, необходимый для совершения какого-либо действия...', 'отсрочка', '[спорт.] результат', '[устар., обл.] сезон', [устар., обл.] возраст, 'объективная форма существования материи ...'), 2. 'определенный период истории, эпоха...'; II/1. 'состояние атмосферы...', 2. '(Банат) урожай', 3. '(Банат) растение *Agum maculatum*'; III/1. 'каждая из фаз какого-либо движения, операции, действия..', 2. '(техн.) каждая фаза работы машины...', 3. (муз.) 'каждая из равных частей, которые образуют темп'; IV 'грамматическая категория...'. Вместе с тем, как показывают карты румынского Атласа, в *диалектах*, по-видимому, до сих пор превалирует употребление славизма.

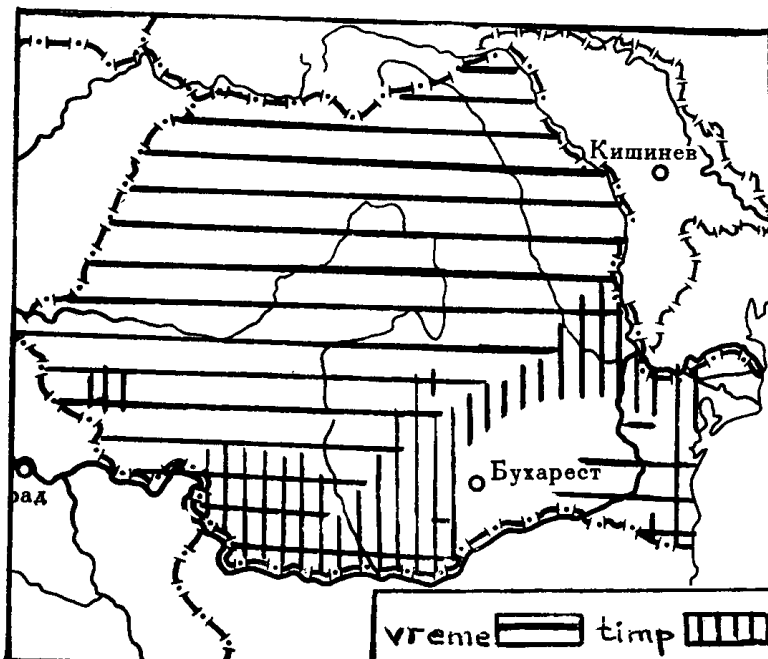
2. Современная лексикография рассматривает рум. vreme как полисемантическую лексему, часть “значений” квалифицируется как *омонимы* (‘время’ ~ ‘погода’). По-видимому, подобная семантическая амплитуда рефлексов *vĕtĕmъ была свойственна еще южнославянскому языку-источнику и унаследована языком-реципиентом. В языке-источнике семантическая эволюция ‘время’...→ ‘погода’ могла осуществляться или поэтапно, через ряд промежуточных стадии – ‘подходящее время, удобный момент и под.’, далее – ‘подходящее, благоприятное (для чего-либо) время и, в частности, благоприятное состояние атмосферы [= хорошая погода]’...→ ‘погода (вообще)’, или же в результате семантического сдвига, скачка (‘время’ → ‘погода’).

Рассмотренная выше эволюция реализовалась в той части славянских языков, где возникло глубинное взаимодействие между понятийными комплексами <<время>> ~ <<(хорошая) погода>>, нашедшее отражение в языке – в виде специфической *сегментации* последним внеязыковой действительности⁴. Эта связь, применительно к *славянским* диалектам, эксплицирована и подробно изучена Н. И. Толстым с помощью (1) выявления *полной* семантической амплитуды на примере лексемы (god[ina]), включающей “семемы” (‘погода’ & ‘дождь’ и ‘время’ & ‘год’ & ‘час’), зафиксированные в определенном диалектном *континууме* (= совокупности частных диалектных систем) и (2) описания взаимоотношений данной и альтерирующих с нею лексем (vreme, čas) в рамках собственно семантического (не понятийного!) поля, построенного с учетом всего семантического объема так наз. “опорной” лексемы (Толстой Н. И. Указ. соч., с.36-37).

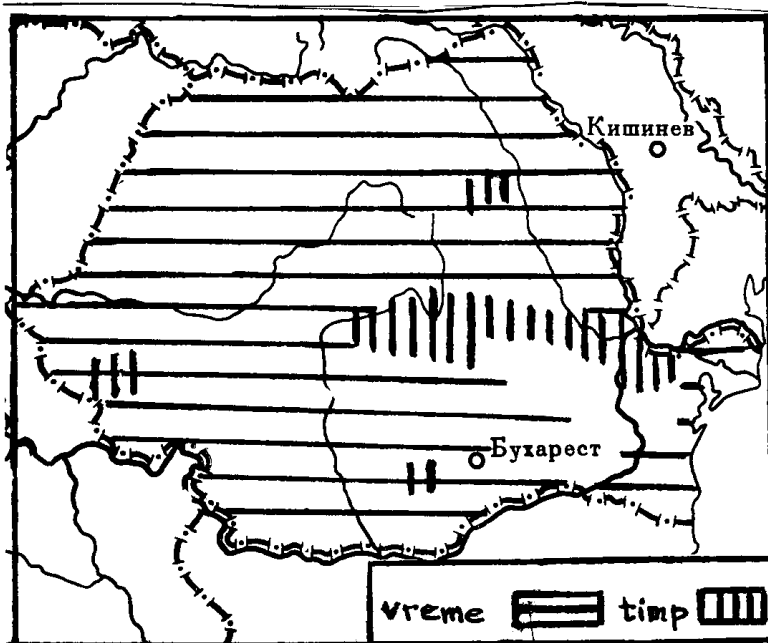
Таким образом, румынский язык (его диалекты), вследствие взаимодействия со славянскими, выработал типологически сходные с ними способы выражения концептов ‘времени’ и ‘погоды’, которые характеризуются использованием лексем с “первичной” семантикой ‘время’, ср. (южно)славянские репрезентанты слав. *vĕtĕmъ и рум. vreme/timp. Аналогичный результат мы наблюдаем и в сфере обозначения определенных отрезков времени, – ср. соотношение продолжений *časъ в славянских языках и рум. ceas/oră.

---

⁴ Толстой Н.И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава// ВЯ, 1963, № 1. С. 39.
Сокращения см. в издании ИРЯ РАН “Этимология”.

Карта 1. Рум. vreme/ timp 'время и под.'

Карта 2. Рум. vreme/ timp 'погода'